

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Двойное дно

Когда я впервые увидел Дэнни, она прижимала ботинком шею какого-то придурка к тротуару. Ее «сорок четвертый» — это тяжелый револьвер, но ее рука не дрожала, смотрел прямо на его яйца. Она умеет успокоить преступника. Дэнни миниатюрная женщина, и тяжелый черный кожаный ремень с кобурой, дубинкой, фонарем кажутся чудовищно громадными на ее бедрах. Во всем этом есть что-то сексуальное. Она использует совсем немного косметики и носит маленькие жемчужные сережки. Когда она надевает их с полицейской фуражкой, значком и формой... А когда я увидел длинные, тщательно наманикюренные ярко-красные ногти на черной рукоятке револьвера, у меня тут же мучительно встал член. Так вот, я спрашиваю: — Вам, наверное, нужна помощь... — Тебя, приятель, только за смертью посылать, — огрызнулась она, бросая на меня неприязненный взгляд. Ее правая рука не дрогнула. — Я не на дежурстве — только что сменился. Просто ехал мимо...

— Слушай, мужик, — закричал задержанный, — убери эту бешеную суку!

Это был черномазый в черном пальто и черной непромокаемой кепочке, слишком тепло одетый для душной сентябрьской ночи в Лос-Анджелесе. Круглые испуганные глаза выкатились на лоб.

— Она дурная, мужик! На ней даже жилета нет!

Я подстраховал ее, она спрятала револьвера кобуру и за три секунды заковала ему руки, как ковбой на родео.

— Этот полицейский жестоко с вами обращался? — спросил я.

Парень бросил на меня ошарашенный взгляд. — В чем дело, офицер... ? — Бенсон, Дэниела. Патрульная. Холодные голубые глаза. Короткие платиновые волосы с намеком на завитки чуть ниже уха, — Я Гаррети, Рэнди. Патрульный. Она не улыбнулась. Эти прелестные губки даже не шелохнулись. Я продолжал: — Я только что с наблюдения, и я... — За чем? Наркотики? — спросила она резко, — Да.

— Я хотела бы поучаствовать. Можете вы замолвить за меня слово?

— Конечно, но я здесь новичок. Я стал полицейским, чтобы покончить с этим, моя жена умерла от передозировки. Конечно же, взял ее дилера, но никогда не мог забыть выражения ее лица — полной безысходности. С тех пор вот уже четыре года у меня были только случайные связи, я никогда не заводил, да и не хотел заводить ничего похожего на серьезные отношения. Но когда я встретил Дэнни, что-то щелкнуло внутри.

— Да забудь ты ее, — говорил мне Гаррисон. — Это же снежная королева. У нее ледышки на сиськах и снег между ног. — Я попался, Гаррисон, — сказал я. — Парень, каждый неженатый коп из участка — и некоторые женатые тоже — пытались завалить эту стерву, — зудел Гаррисон, — и я тоже.

Он произнес это таким тоном, будто это было решающим аргументом. Любая женщина в здравом уме, которая смогла отказать двухсопятидесятифунтовому, с отвисшим животом и жирными волосами, красноносому Гаррисону, наверняка должна быть фригидной.

— Она не замужем, — продолжал Гаррисон. — Дело в том, я думаю, что она лесбиянка. Понимаешь, это основное препятствие! — Мне кажется, я слышал этот термин. Мне уже начинало надоедать. Не хочу слушать, когда о ней так говорят. Я пил с ней кофе два раза.

Едва знал ее, но, черт побери, я боготворил ее. Про себя. Вы меня понимаете. И я хотел доказать, что Гаррисон не прав. Я все еще думал о ней, когда какая-то девушка села рядом и спросила: — Угостишь девушку? Я не оглянулся: — Поищи клиента в другом месте. Я коп. — А это можно обсудить, — проговорила она. Я взглянул на нее: — Дэнни! Черт! — Что ж, неплохое приветствие для девушки — «черт». — Извини, я думал, ты... то есть я не ожидал

Я удивленно уставился на нее. Она смеялась! Никогда раньше этого не видел. И не только смеялась. Она была в гражданском. Я имею в виду — в женской одежде. Платье с низким вырезом. Пухлая загорелая ложбина. Длинные коричневые ноги из-под короткой юбки. Я не мог поверить своим глазам. Гаррисон тоже. — Ты на задании? — спросил он. — Нет, — ответила она, — почему? — Забудь о нем, — вмешался я, — что будешь пить? Она посмотрела на меня: — Давай выйдем.

Мы долго целовались прямо у нее в дверях. А потом еще поцелуи и исследования руками около холодильника. Ее попа была неправдоподобно идеальной — круглая и горячая под моими руками. Еще две остановки, чтобы поцеловаться и прижаться горячим восставшим естеством к лобку перед тем, как мы добрались до спальни. Мы просто упали на кушетку.

Она растянулась рядом со мной на кушетке, чокнулась бокалом с шампанским, отпила немного и взглянула на меня снизу вверх, прекрасная и сексуальная. Как раз когда я наклонился поцеловать ее, она спросила:

— А ты возьмешь меня в операцию «Набег»? Я поднялся и уставился на нее:

Так значит, все из-за этого? А если я скажу — нет?

Она смутилась, а потом проговорила: — Нет, вовсе не из-за этого. Она поставило стакан: — Я покажу вам, офицер, что это значит. Дайте мне взглянуть на вашу дубинку.

Она ловко расстегнула мне брюки и вытащила мой прибор. Член с готовностью распрявился, и ее язычок забегал вдоль него. Потом губы обхватили его кольцом, а язык продолжал усердно трудиться над головкой. Первый раз я кончил ей в рот. Второй раз глубоко в тугое, выдоившее меня влагалище. Она даже не сняла платья до третьего раза. Эта ночь была хороша. О, да.

В конце концов, она добилась, чтобы ее взяли в операцию «Набег», и когда нам одновременно присвоили звание детектива, то можете себе представить, как мы отпраздновали это событие. И как мы накрыли лабораторию по производству крэка. Было почти два часа ночи. Мы сидели в наблюдательном фургоне, одни. Фургон был окрашен, как множество подобных фургончиков, развозящих всякую ерунду, с непрозрачными окнами — поляризованное стекло, через которое мы снимали телеобъективом.

Гаррисон сидел один в машине, припаркованной за углом, наблюдая за входом с аллеи. В доме был один этаж, а весь двор завален кучами банок из-под пива и винных бутылок. Мы сидели на раскладных стульях, а между нами камера на треноге. Мы без лишних разговоров по очереди наблюдали за домом через видеоискатель. Может быть, я немного дулся на нее. Я приставал к ней перед этим, в конце концов, весь фургон в нашем распоряжении, — а она отказала. Она сказала, что это непрофессионально. Мы на дежурстве и могли бы пропустить что-то. Я предложил, чтобы один из нас продолжал наблюдать, в то время как другой... — Не оскорбляй мой минет, — сказала она. И была права. Я бы никогда не смог сосредоточиться, когда она занимается мной. Мелкие уличные торговцы входили и выходили из дома. Небольшая кучка покупателей клубилась на углу. На улице был только один фонарь и другой

фонарь в доме. Кроме этого все вокруг было тихо и темно. А потом в черном «линкольне» подъехали братья Ортега. Их заметила Дэнни. Это были Артуро и Хозе Ортега. «Щипцы», — затаив дыхание, прошептала она так же, как вчера говорила: «Трахай меня, трахай сильнее!» Я почти заревновал.

— Братья Ортега, — сказал я в переговорное устройство, — прямо у нас.

У нас был ордер на обоих. Обычно они прятались к югу от границы, ведя бизнес через мелкую шуштуру. Должно быть, они решили проверить, не обманывают ли их дилеры. Я просигналил Гаррисону:

— Мне кажется, стоит подождать, пока они выйдут, тогда и возьмем их на пути к машине.

— Не играй с этими ребятами, — предупредил Гаррисон, — Ты знаешь, почему они зовут Хозе «щипцами»? Тебя когда-нибудь брали щипцами за яйца? — Как-то раз пробовали. Надо только запросить поддержку, Гаррисон. Наше радио не очень хорошо достает до центра.

— Если мы сможем заставить говорить одного из Ортега, то возьмем линию Родригеса, — сказала Дэнни, проверяя застезжку своего револьвера.

Я наблюдал за фасадом и увидел одного из их людей, торопящегося из дома. Он сначала посмотрел в нашу сторону. Прямо на фургон. Потом запустил мотор «линкольна» и подал его к крыльцу. Ортега появились из двери и скрылись за машиной. Мы с Дэнни переглянулись. Они знали!

Не было времени ждать подмогу. Я перепрыгнул на водительское сиденье, так резко повернул ключ, что зажигание завизжало как свинья, рванул через дорогу и перелетел через клумбу, блокируя «линкольн». У них не было места, чтобы выехать без длительного маневрирования, так что их водила выскочил из машины, держа «Узи». Я пригнулся, и козырек надо мной взорвался. Сердце страшно забилося: — Дэнни? — Я — о'кей!

Я слышал, как сзади хлопнула дверь. С револьвером в руке я открыл пассажирскую дверь и увидел направленный на меня в упор ствол. У меня не было времени прицеливаться. Три нажатия на гашетку, и Бог не выдал меня! Его лоб разлетелся красными брызгами. Я вытолкнул тело и выскользнул из машины, перекатился и очутился прямо перед Хозе в желтом костюме с длинными, заплетенными в косичку черными волосами. Он сжимал «Калашников», направленный в мою сторону. Это к вопросу о недостаточном вооружении полицейских. «Сорок четвертый» дважды дернулся в руке, проделав пару дырок в канареечном пузе. Было не до того, чтобы думать, как бы взять его живым. «Щипцы» медленно осел, поворачиваясь вокруг оси.

Я развернулся к Артуро и увидел, что он удирает на другую сторону фургона, к Дании. Я сделал какое-то движение — до сих пор не представляю, как, и проскочил под передком машины. Вот она, стоит позади фургона в позиции «наизготовку» из учебника. Очередь из автомата Артуро вспорола землю меньше чем в дюйме от ее ног.

Она выстрелила только один раз. Большой револьвер вспышкой осветил двор. Артуро остановился, изумленно глядя на нее. Потом он перевел взгляд вниз на дырку в груди и упал. Я посмотрел на Дэнни. Она смотрела на меня.

Мы решили, что у нас достаточно времени — все равно теперь наша маскировка бесполезна. Мы забрались в заднюю часть фургона и забросили револьверы в угол. Я содрал с нее блузку, не заботясь о пуговицах. Ее руки дрожали не так сильно, как мои, но она задохнулась, открывая одной рукой мою молнию и расстегивая свой ремень другой. Конечно, может, это было несколько неуклюже — ее джинсы спущены до колен, а у меня только расстегнута

молния. Твердые соски торчали в разные стороны из разодранной блузки. Мы, должно быть, выглядели забавно, но чувствовали себя великолепно. Адреналин — это сильнейший возбудитель.

Ее киска взмокла еще до того, как я коснулся ее, а член был как минимум на дюйм длиннее, чем обычно, и тверже, чем ствол моей пушки. Мне даже стало больно от напряжения, когда я вонзился в нее. Горячие брызги разлетелись из-под моего могучего поршня по металлическому полу фургона.

— Мы чуть не умерли, — прошептала она, лежа на спине и вонзив ногти в мою задницу.

Наши значки, спрятанные в нагрудных карманах, ритмично стучались друг о друга, и это возбуждало меня еще сильнее. Ее киска жадно сосала мой фаллос. Жизнь! Это была жизнь, и она рвалась в наших пахах, требуя признания. Залп жизни из меня в ее ватину, а потом — когда она оттолкнула меня, крича «В рот!» — я закончил, разбрызгивая жидкий перламутр по ее жадному язычку.

Это длилось недолго, а помощь запаздывала. К моменту их приезда мы привели себя в порядок. Правда, я забыл одну вещь. Гаррисон ухмыльнулся:

— Эй, Гаррети. Ты забыл запереть свой гараж. Я застегнул молнию.

— Может, кто-то из них выглянул в окно, — предположил я, — увидел фургон. Я же говорил капитану, что этот дурацкий фургон будет здесь не на месте.

— Кончай, — прервала она, — ты знаешь в чем дело. Их предупредили.

Позже, у нее дома, мы раздетые лежали в постели с бокалами шампанского. Когда я приподнялся, то пролил шампанское на живот. Не говоря ни слова Дэнни нагнулась и слизала все капли. Прошло не меньше получаса, прежде чем мы снова заговорили о деле.

— Думаешь, они перехватывают наши частоты? — спросил я. — Так уже случалось.

— Может быть. А как насчет того случая, о котором ты мне рассказывал? Сам говорил, что там никого не было, кроме пары подростков, которые ничего не знали, и немного дури, чтобы все было похоже на живую лабораторию. Это что, лаборатория? Они все знали задолго до той ночи и подготовились.

Я кивнул. В это не хотелось верить, потому что это означает бесконечные запутанные подозрения, которые практически невозможно доказать. Но кто-то продавал нас, и мы оба знали — кто.

— Гаррисон единственный знал, что должно произойти, когда показались братья Ортега. Она кивнула:

— Я думала о том же. И он участвовал в арестах по операции «Набег». Так? — Всегда. Был полностью информирован. — Ну и что мы будем с этим делать? У нас нет настоящих доказательств.

— Мы, может быть, могли бы провести эксперимент, — сказал я. — Только переговорим с капитаном и службой внутренней безопасности.

Позже, когда мы уже засыпали, а свечка у постели превратилась в восковую лужицу, что-то подтолкнуло меня спросить:

— Дэнни? А почему тебе так хотелось участвовать в «Набеге»?

Она знала, почему я стал заниматься наркотиками. Она знала о моей жене. Но я ничего не знал о ее прошлом.

— Как и у тебя, милый, у меня были свои обстоятельства.

Я, может быть, расспросил бы ее, если бы сон не сморил меня...

Бам-м-м! Разрушительный «баран» (гидравлический домкрат для выдавливания дверей. — Прим. пере) смел дверь лаборатории, и четверо лучших колов Лос-Анджелеса ворвались внутрь. Я был пятым. Дэнни не должна была участвовать в таких штурмах, но она была сразу за мной. Наркоманы на полу. Кто-то трахает в углу на грязной подстилке шлюху, дающую за дозу, другие посасывают из своих трубок и даже не обращают на нас внимания.

Надрывающийся в углу музыкальный ящик заглушил шум нашего вторжения, так что все были чертовски удивлены.

То же и с дилерами, когда мы ввалились в заднюю комнату. Они успели спустить в унитаз только половину крэка. Осталось не меньше фунта.

Один из них — по имени Хервеза, — полагая, что мы не понимаем по-испански, что-то сердито верещал, когда мы арестовывали его, что-то насчет того, что они должны были быть защищены от подобного дерьма. Это был узколицый парень, неделями не менявший белье. Его запах пробивался даже через вонь варящегося крэка. Мне пришлось задержать дыхание, когда я надевал ему наручники.

Дэнни говорит по-испански, она слышала его сетования и произнесла по-испански:

— Думаешь, Гаррисон будет вас еще предупреждать? Ему уже платит семья Индио, засранец! В ней пропадала хорошая актриса. Парень растянулся на полу. Тест был, так сказать, позитивным. В другом районе производился арест, о котором Гаррисон знал. Когда группа явилась туда, они захватили только горсть крэка и пару мелких дилеров.

Мы снова встретились в участке. Гаррисон пришел со своим мелким уловом и вдруг круглыми глазами уставился на арестованных нами,

— Ты, Гаррисон, похоже, удивлен, — сказал капитан Стейн, прикуривая сигарету. Ребята из службы безопасности уже были там. — Ну, я... Мне никто не говорил об этом... Я хочу сказать...

Потом он увидел каменные лица людей из службы безопасности.

— Это была идея Гаррети, — продолжал Стейн. — Арест, о котором ты знал, принес только дерьмо. А эти, о которых ты не знал, вернулись с богатым уловом. Очень симпатичное уравнение.

— Это клевета. Это случайность. Дэнни вытолкнула вперед Хервезу. Тот выкрикнул ему в лицо:

— Предатель! Я выдам им твою задницу на блюдечке.

Гаррисон пытался прокричать какие-то предупреждения, но Хервезу уже потащили в заднюю комнату, где стенографистка запишет его показания. Ему было что рассказать о Гаррисоне. А Гаррисон сломался как марионетка с оборванными нитками.

Он выдал нам имя Родригеса, под которым тот приезжал в Штаты. Он выдал его планы и хорошо описал его — фотографии Родригеса не существовало.

Мы с Дэнни участвовали во встрече Родригеса в аэропорту. Главными были люди из ФБР. У нас пересохло во рту, когда мы занимали позицию. Потом мы увидели парня, секундами позже прошедшего через таможню, спокойного, как обычный коммерсант. Это был высокий, хорошо выглядящий латиноамериканец с узкими усиками, в темном, хорошо выглаженном костюме.

Фэбээровцы хотели подождать, пока он возьмет багаж. Это было глупо. Ни в коем случае он не будет везти кокаин на себе. Но мы делали то, что сказано, — проследовали за ним к выдаче багажа, подождали, пока он возьмет коричневый кожаный чемодан. Потом один из наших

рванулся вперед, выхватывая пушку и наручники. Родригес нырнул в толпу, открыв на бегу чемодан и выбрасывая одежду. Он выхватил из белья что-то черное и блестящее и схватил девочку-подростка с блестящими синими тенями, в футболке и с растрепанными волосами. Он приставил пистолет к ее голове. Бедная девочка проглотила свою жвачку.

Из респектабельного бизнесмена Родригес превратился в заурядного убийцу. Он пытался к выходу. Агент ФБР вышел вперед: — Эй, давайте поговорим. — К черту, — ответил тот. Тут из толпы выступила Дэнни: — Привет, Херви. Рада тебя видеть, дорогой! Она выглядела очень сексуально — блузка расстегнута, лицо накрашено, много помады и широкая сверкающая улыбка. Через руку переброшен плащ. У Родригеса расширились глаза: — Дэниела!

От удивления он отвел пистолет от головы девочки. Дэнни стреляла прямо из-под плаща. Один-единственный выстрел — и пуля прошла через раскрытый рот Родригеса в мозг. Когда она стреляла, с ее лица еще не сошла широкая радостная улыбка. Родригес был мертв, девочка с криком убежала, а налогоплательщики сэкономили кучу денег на судебных расходах. Фэбээровцы были взбешены, а Дэниела только ответила «целуйте мою задницу» и ушла. Я последовал за ней.

— Я была замужем за ним восемь лет назад. Около двух дней. Я встретила его на пути в Рио. Мы были там на карнавале. Он очаровал меня, и я думала, что влюблена. А потом, когда мы поженились, я поняла, на какие деньги он живет. Я сказала, что это не для меня...

Мы шли через зал аэропорта в поисках пункта первой помощи. Она продолжала:

— Он отказался отпустить меня. Он изнасиловал меня. Держал меня взаперти и насиловал шесть дней. Потом избил и выбросил на улицу — и исчез. Я развелась и решила стать полицейским.

— Чтобы найти его? Вот поэтому ты и подцепила меня — ты слышала о моем прошлом? У нас было что-то общее. Я хочу сказать, что у тебя был широкий выбор...

— Нет. Я подошла к тебе, потому что как-то наблюдала за арестом и видела, как ты высадил дверь.

— Многие могут высадить дверь. — Но не так, как ты, — сказала она многозначительно.

Она кивнула на дверь пункта первой помощи. Зал, в котором мы находились, был пуст. Я попробовал дверь — заперто. Я напряг плечи, отошел на шаг и нанес один удар. Один рассчитанный, правильно поставленный удар. Дэнни ахнула, схватила меня за запястье и втащила в комнату. Она закрыла дверь, расстегнула молнию и опустилась передо мной на колени. У меня уже стоял!